

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

АНОНС

Питер Селларс: Это будет нечто такое, чего вы никогда не видели — я сам никогда прежде такого не видел

Юлия Баталина

Великий американский режиссёр прибыл в Пермь, чтобы поставить оперу великого английского композитора XVII века Генри Пёрселла «Королева индейцев». Это будет второй совместный проект Селларса с Теодором Курентзисом после оперного диптиха «Иоланта/Персефона» Чайковского и Стравинского, который был представлен в Мадриде в 2012 году. В центре сюжета оперы — судьба вымышленной принцессы одного из индейских народов Центральной Америки, в душе которой борются любовь к завоевателю и верность своему народу.

— Как вы восприняли идею поехать поработать вглубь России, в какую-то никому не известную Пермь?

— О Перми знают все! Все говорят о ней как о некоем культурном феномене. Мы, конечно, знаем большие театры в Москве и Санкт-Петербурге, но все говорят о Перми как о некоей альтернативе им. Здесь иная атмосфера, иной дух, другая энергия.

Мне это знакомо: я американец, а в Америке тоже есть большие проекты в Нью-Йорке, но в них нет духа инновации. Новое рождается в небольших городах, там, где масштабы событий и явлений соразмерны человеку, где по-прежнему существует человеческое общение. И это не вопрос политики, не вопрос заинтересованности властей, это происходит из другого жизненного уклада.

— Каковы ваши впечатления от Перми?

— Эта история началась, когда в прошлом году я познакомился с Теодором Курентзисом ради совместной работы над постановкой «Иоланты» Чайковского и «Персефоны» Стравинского в Мадриде. Для меня это стало глубоким потрясением: я никогда в жизни не работал ни с кем, похожим на Теодора. Он абсолютно уникален! Это по-настоящему вдохновенный художник.

И тут оказывается, что он знает «Королеву индейцев» Пёрселла. А я этой оперой буквально одержим! Уже 20 лет! Я мечтал создать новую версию этой оперы, потому что в том виде, в котором она существовала до сих пор, её ставить невозможно. И тут посреди репетиции «Иоланты» Теодор спрашивает: «А вы знаете «Королеву индейцев»?

— Прямо посреди «Иоланты»?

— Да! Конечно, я знал «Королеву индейцев». И он говорит: «А поехали ставить «Королеву индейцев» в Перми!»

У меня есть друзья — специалисты по русской культуре, и все они сказали в один голос: «О! Пермь! Это нечто совершенно особенное». Все тут же вспоминали, что в этом городе знаменитая балетная труппа. Всё это меня очень воодушевило, и я приехал.

Всю неделю, что я нахожусь в этом городе, меня не покидает ощущение, что он... слегка поношенный. Но в самом хорошем, человеческом смысле! У это-

го города — приятная текстура, которая адаптирована к человеку, которую приятно трогать и ощущать. Он очень, очень человечный. В нём, может быть, нет шедевров архитектуры, но есть особая мягкость, которая рождает очень личные, очень нежные чувства. Здесь неуместен пафос, какие-то официальные речи, громкие заявления... Всё оченьдержанно, соразмерно человеку. И мне это безумно нравится.

Но, увы! Мне пока не удалось отойти от театра более чем на пять кварталов.

— Но вы ведь были в нашей художественной галерее...

— О да! Я провёл немало времени наедине с Христом в темнице. Это был для меня непередаваемый духовный опыт, и вы увидите результат в нашей постановке.

— Для пермской публики это будет ещё тот сюрприз...

— Для меня и для Теодора это тоже сюрприз. Мы создаём нечто, полное сюрпризов. Мы никогда ничего подобного не делали — никто ничего подобного не делал. Да и сама опера — сплошной сюрприз.

Вы ведь знаете, в Британии в XVII веке театр был запрещён на несколько десятилетий, во времена Кромвеля все театры были закрыты. Даже церковная музыка была под запретом — времена были предельно пуританские. Генри Пёрселл был подростком, когда стал свидетелем возрождения церковной музыки.

И когда театр вернулся после десятилетий запрета, он взорвался дикой энергией, которая копилась под гнётом. Британский театр того времени — это экстремальное зрелище, это дикая смесь визуального искусства, танца, поэзии, музыки. Но, в отличие от авангарда XX века, это не просто смесь разных жанров, как в каком-нибудь супе: в британском театре XVII века все ингредиенты подаются отдельно. Эти спектакли дают попробовать всего по чуть-чуть, но каждый ингредиент — в чистом виде. Это салат, а не суп — вы можете попробовать каждый кусочек отдельно, а вместе они дают очень яркий, очень контрастный вкус.

Сотрудничество всех артистов и художников, вовлечённых в такой проект, создаёт особое напряжение. Хотя, конечно, все слушаются дирижёра, пото-

му что музыка — это главное. Именно музыка — проводник, который приводит эту историю к нам из иного мира. Нам понадобится богатое воображение и умение быть свободным: ведь речь в этой опере идёт об ином мире.

Америка была для европейцев новым миром, полным неизвестного, а неизвестное заполнялось воображением. Так что сам материал — очень радикальный. Здесь без сюрпризов никак.

— Уже известно, что вы изменили и либретто, и даже музыку... Почему и как?

— Пёрселл умер во время написания «Королевы индейцев» и не успел её закончить. Есть всего лишь около часа музыки, написанной Генри Пёрселлом. После его смерти его брат Дэнниел пытался дописать оперу, но — увы — он был не столь талантливым композитором. К тому же в качестве либретто Пёрселл использовал текст, который он, конечно, адаптировал, но текст сам по себе очень несовершенен, и Пёрселл всех его недостатков не исправил. Неудивительно, что он умер в разгар работы над таким проектом — ведь он ставил перед собой порой недостижимые цели. Если посмотреть на «Королеву индейцев» с этой точки зрения, то это что-то вроде «Реквиема» Моцарта.

Ту «Королеву индейцев», которая сейчас существует, поставить невозможно, потому что в ней нет смысла. Пёрселл написал несколько прекрасных сцен, но огромное количество сцен написано уже не им. До этого Пёрселл написал «Короля Артура» и «Королеву фей» — очень сложные произведения, и «Королева индейцев» стремилась быть такой же, но это движение было прервано смертью композитора. Поэтому я захотел создать произведение, которое было бы написано полностью Генри Пёрселлом и могло бы стать его «лебединой песней».

Я включил в оперу хоровую музыку из начального периода творчества Пёрселла. Теодор сказал, что у него работает очень хороший хор, и мы решили, что в опере должно быть больше хоровой музыки, а у Пёрселла она потрясающая, она рождает сильнейшие эмоции. Получилось, что в нашей опере хоры, написанные Пёрселлом-юношей, находятся рядом с последней музыкой, написанной им в жизни. Так что в нашей «Королеве индейцев» — вся жизнь Пёрселла.

Он написал также три сотни песен для театра, но они никогда не исполнялись в театральном контексте, потому что пьесы, для которых они были написаны, практически не ставятся. Я спас несколько таких песен, я вернул их в театр. Многие из них весьма популярны в концертном исполнении, но Пёрселл писал их не для концертов, а для театра. Они должны быть частью сюжета, частью представления. Я взял несколько самых знаменитых песен Пёрселла, вернул их в театральный контекст, и эти песни ста-

ли звучать абсолютно иначе. Например, Music for a While («Музыка ненадолго») — прекрасная, прекрасная мелодия! Наши певцы её обожают и постоянно напевают. У нас она будет звучать среди змей, которые падают, падают, падают с деревьев. Когда певцы это узнали, они сказали: «Что? Змеи?!» Но дело в том, что изначально Пёрселл написал эту песню не для концертного исполнения, а для спектакля «Эдип-Царь», а я поместил её в лес в стране индейцев майя, где змеи падают с деревьев. И музыка в этом контексте получила смысл.

Что касается либретто, то для него мы взяли книгу, написанную в 1980-х годах женщиной из Никарагуа Росарио Агилаres. Вы помните? Мы все были в те годы солидарны с народом Никарагуа! Мы следили за событиями в этой стране, читали сообщения, смотрели новости по телевизору... Когда я в 1985 году прочитал книгу Росарио Агилаres The Lost Chronicles of Terra Firma, я почувствовал, что это одна из лучших книг, которую мне довелось читать. Она заставила меня в то время задуматься о «Королеве индейцев».

— То есть ещё в 1980-е годы, когда вы впервые прочитали книгу Росарио Агилаres, вы задумались о «Королеве индейцев»? Вам повезло: есть возможность воплотить давнюю мечту!

— Вот именно! Весь этот проект — сплошная «сбыча мечт»!

Наш спектакль сосредоточен на женских судьбах. Обычно истории про конкисты связаны с армиями, лошадьми, пушками, Монтесумой и Кортесом. У нас ничего этого не будет.

Росарио Агилаres проделала огромную исследовательскую работу, предполагая, что должны где-то существовать тексты о том времени, написанные женщинами. Она их не нашла и тогда написала такой текст сама! Её героиня — жена первого вице-короля Мексики, которая пытается привить европейскую кухню в Новом Свете. Ведь именно это должны делать женщины. Вы готовите еду — и вдруг вы понимаете, что вы уже не воюете, а разговариваете, потому что вам нужно вместе заниматься приготовлением. Так что именно женщины создавали новую культуру, пока мужчины разрушали, убивали и сжигали.

— Мы увидим на сцене индейцев в перьях и шкурах?

— Но ведь сейчас для нас Центральная Америка — вовсе не экзотика. Это часть нашего привычного мира. Мы знаем, что там идут войны наркокартелей и выращивается кукуруза, и идут ожесточённые споры о генетически модифицированной кукурузе. Мы следим за событиями в мексиканском штате Чиапас, где обосновались сапатисты. Мы сочувствуем им, волнуемся за них, поддерживаем их стремление добиться независимости индейцев, сохранить их образ жизни, их ритуалы.